

СЛЕПУХИНА Наталья Александровна
— генеральный директор Фонда
имени Юрия Слепухина
«Лучшие книги – библиотекам»,

ЮРИЙ СЛЕПУХИН: ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Не так давно, на одной из научных конференций, посвященных изучению истории русской эмиграции, в перерыве у меня завязался разговор с одним из исследователей этой темы. Мой собеседник известен, как большой специалист по истории Второй волны эмиграции, и я решила посоветоваться с ним по вопросу поиска публикаций Слепухина в послевоенной зарубежной периодике, поскольку в домашнем архиве они по понятным причинам отсутствуют, а разыскать их хотелось, чтобы наиболее полно собрать публицистическое наследие Юрия Григорьевича. Публикаций должно быть много, учитывая, что живя в Аргентине, он в течение нескольких лет руководил молодежным сектором и сектором пропаганды НТС, — но разыскать их довольно сложно, т.к. многие архивы пропали. Вразумительного совета я так и не получила, зато услышала безапелляционное: «Слепухин сотрудничал с “органами”»... В качестве аргумента приводился факт участия Юрия Григорьевича в сборнике «Схватка», где была опубликована его повесть «Частный случай»¹.

Здесь важно уточнить, что сборник действительно собирался к юбилею всем известного ленинградского «Большого дома», куда раз в полгода Слепухина вызывали на «профилактические» беседы, как репатрианта. Вернувшись после очередной беседы, Юрий Григорьевич рассказал, что его попросили написать для сборника небольшую повесть о работе чекистов в наши дни, тему определяют позднее. Излишне говорить, что радости такое предложение не вызвало. За все время своей писательской деятельности Слепухин заказных книг не писал, у него было с чем выйти к читателю. Но тут они решили использовать эту возможность с тем, чтобы

¹ См.: Схватка: Повести о чекистах / сост. Б. М. Варфоломеев, Б. И. Иванов. Л.: Лениздат, 1987. С. 82—184

поднять острейшую тему — положение молодых писателей в условиях цензуры и идеологического давления — об этом Юрий Григорьевич знал не понаслышке.

В 1970–1980-е годы в нашем доме перебивало немало литературной молодежи. В Союзе писателей существовала комиссия по работе с молодыми авторами (в шутку ее называли «комиссия по борьбе с молодыми»), какое-то время в нее входил и Слепухин. Помочь с публикациями он бы хотел, да не мог, поскольку сам не печатался годами, но наш дом был всегда открыт, здесь можно было обсудить написанное, свободно говорить обо всем, обогреться и подкормиться, некоторые даже жили у нас месяцами. Личность Юрия Григорьевича, его творчество притягивали молодых, мечтавших стать писателями, но работавших кочегарами, банщиками, сторожами в силу своих принципиальных несогласий с официальной идеологией. Времена изменились, и кое-кто добился известности и даже славы. А тогда все было драматично, а порою и трагично. Поэтому Юрий Григорьевич на участие в сборнике согласился, поставив условие — сюжет он выберет сам. Его условие приняли, так как книги Слепухина раскупали моментально, читатели его очень любили. Так появился «Частный случай» и его главный герой Вадим Кротов, судьба которого типична для людей творческих профессий 70–80-х годов в СССР.

Кстати, мой вышеупомянутый собеседник сообщил, что повесть не читал, ему достаточно факта публикации в *таком* сборнике.

Горько мне стало от сознания того, что и в наше время, ничтоже сумняшеся, основываясь лишь на собственных догадках, могут приклеить позорный ярлык...

Обратимся же к подлинным фактам биографии писателя.

Юрий Григорьевич Слепухин (Кочетков) родился 1 августа 1926 года в городе Шахты, детство прошло в Пятигорске и Ставрополе.

Отец Юрия — Григорий Пантелеймонович Кочетков (Слепухин) — из донской казачьей военной среды, участник Первой Мировой войны, в канун Великой Отечественной войны был главным агрономом Северного Кавказа, семья часто меняла место жительства. Мать — Валентина Ивановна Беденко — из украинско-польской семьи. Союз ее родителей — Елены Марьяновны Рудковской, дочери польского шляхтича

Рудковского, и Ивана Ивановича Беденко — управляющего имением князей Барятинских — был весьма романтичен². В семье было четверо детей, родители привили детям любовь к литературе и музыке, старались дать им прекрасное образование. Валентина унаследовала от родителей музыкальные и художественные способности, живой ум и преданность своей семье. Выйдя замуж за Григория Кочеткова, родила двоих детей — Юрия и Ирину, которым всю жизнь была «матерью, другом и незаменимым помощником», как напишет потом в посвящении к «Южному кресту» — роману о судьбах русской эмиграции — ее сын, писатель Юрий Слепухин.

Человеком он был удивительным. Одаренный множеством талантов был чужд тщеславию, доброжелательность и приветливость не мешала принципиальности: вспоминается, как вежливо, но бесповоротно указал на дверь старому знакомому, позволившему себе, уехав на Запад, ругать на чем свет стоит Россию, а не прижившись там и вернувшись, поносить на советских радиостанциях тамошний образ жизни.

В памяти сохранилось и первое впечатление от личности Юрия Григорьевича на его встрече с читателями в 1973 году. Неторопливой походкой в библиотеку вошел очень естественный, красивый без слащавости человек — на его высокой фигуре элегантно сидел укороченный по моде 70-х плащ горчичного цвета, заметно вылинявший на плечах, на голове — косо посаженный шерстяной берет, как носят французы, в руках — потертый кожаный портфель; негромкий, приятного тембра голос с каким-то немного южным колоритом — мягкими шипящими, улыбка открытая, но сдержанная; элегантность жестов без манерности и прекрасная речь, как музыка без фальшивых нот...

В нем органично сочетались редкая порядочность, интеллигентность, твердость характера и вместе с тем романтизм, воля в достижении целей и невероятная тяга к знаниям. По рассказам матери, в четыре года он уже свободно читал, а потом читал «запоем» всю жизнь. В пятилетнем возрасте с увлечением прочел «Одиссею» Гомера, любил баллады Жуковского, позднее увлекся Фенимором Купером, Майн Ридом, Вальтером Скоттом, а с двенадцати лет читал русскую классику. В дальнейшем страсть к чтению позволила Слепухину стать очень образован-

² Подробнее см.: *Слепухина И. Г. Воспоминания о брате // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество: сб. ст. и материалов.* СПб., 2012. С. 13–20.

ным человеком, несмотря на то что его официальное образование составляло всего 8 классов общеобразовательной школы, помешала война.

Летом 1942 года в Ставрополь, где жил шестнадцатилетний Юрий, вошли войска Вермахта. Вот как об этом вспоминает его сестра: «В конце июля сорок второго года город был оккупирован немецкими войсками. Наши власти, как всегда, держали население в неведении, скрывая истинное положение на фронте, поэтому все, кто должен был эвакуироваться (в том числе и мой отец, как крупный специалист), этого не успели и оказались в оккупации. Кроме партийного начальства, те унесли ноги за город»³. Позднее, на страницах романа «Тьма в полдень» Юрий Слепухин описал оккупационный быт во всех подробностях, и картина жизни на занятой немцами территории предстала перед читателями правдивой, без идеологических штампов, принятых в советской литературе.

Известный специалист по истории немецко-фашистской оккупации профессор Б. Н. Ковалев отмечает: «Роман Ю. Слепухина “Тьма в полдень” по своей сути является энциклопедией жизни советских людей на оккупированной нацистами территории. <...> Хотя действие романа происходит в выдуманном автором украинском городке Энске, его реалии подтверждают как интервью с людьми, пережившими оккупацию, так и различные архивные документы»⁴.

В ноябре 1943 года, отступая, немцы угнали на принудительные работы в Германию тысячи жителей Ставрополя, в том числе и семью Кочетковых: мать, отца, их детей Юрия, Ирину и Галину — старшую дочь Анны Биссе, сестры Валентины Ивановны, осужденной сроком на десять лет и сидевшей в мордовских лагерях, как жена «врага народа». Ее муж Иосиф Биссе, чешский коммунист, приехавший в СССР в 1920-х годах учиться коммунизму, в 1937 г. был арестован, а через два месяца расстрелян. С тех пор Галина и жила в семье Кочетковых. Осталась только Елена Марьяновна. Прощаясь, она благословила детей своей иконой Божией Матери «Знамение» и передала ее дочери Валентине. Эта икона по сей день в нашей семье — небольшая, потемневшая от времени, в простой деревянной рамке...

³ Цит. По первому варианту «Воспоминаний о брате» (архив И. Г. Слепухиной). Ср.: *Слепухина И. Г.* Воспоминания о брате. С. 20. Подробнее см.: Там же. С. 20–28

⁴ *Ковалев Б. Н.* Сравнительный анализ описания нацистской оккупации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по архивным источникам и по роману Юрия Слепухина «Тьма в полдень» (1968) // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество. С. 284.

Вернемся к воспоминаниям Ирины Слепухиной: «Отступление <немецких войск> было долгим и тяжелым, нас везли в каких-то старых, открытых грузовиках, которые все время ломались, а стоял уже январь, и морозы были ужасные. Такой мне и запомнилась Россия, бескрайние снежные просторы и свирепая стужа. <...> Господь нас уберег, мы в целости пересекли русские земли, в частности Украину, правда, не сразу. Там нас задержали на все лето, формировали эшелон, чтобы уже поездом отправить в Германию. Какое-то время пережидали в Виннице, где-то возле румынской границы, помню, там как раз в то время были обнаружены совсем недавние, массовые захоронения наших несчастных репрессированных “врагов народа”, расстрелянных НКВД. Немцы, обнаружив их, предложили населению искать своих (вещи-то еще сохранились), и люди находили, и стоял в городе стон и плач... Потом, сделав отлов среди украинского населения, главным образом молодежи, нас загрузили в товарные вагоны и повезли через Западную Украину. <...> мы пересекли границу и оказались в Германии на положении уже узаконенных остарбайтеров. А это значит — трудовые лагеря, баланда, и страшные, ночные бомбежки союзников...<...> Пережить нам довелось немало, бывали очень тяжелые и страшные ситуации»⁵. В качестве остарбайтера Юрий Кочетков попал в лагерь для восточных рабочих Шарнхорст в немецком городе Эссен. С мая 1944 года он батрачил в помещицкой усадьбе барона Гюльхера в деревне Аппельдорн, округ Клеве, на Нижнем Рейне.

Пережитое не отпускало Юрия Григорьевича на протяжении всей его жизни. Вспоминаю, когда я спросила, почему он, свободно владея несколькими языками, никогда не говорит по-немецки, — «Ты знаешь, я его просто забыл, наверное, это защитная реакция памяти...». Неудивительно, что в его будущей «военной» тетралогии⁶ тема «остарбайтеров» переходит из романа в роман. «Слепухин — один из немногих писателей, чьи произведения о Второй мировой войне глубоко и всесторонне раскрывают тему насильственного вывоза рабочей силы с оккупированных территорий, — отмечает исследователь его творчества М. Е. Бабичева, — В советской

⁵ Цит. По первому варианту «Воспоминаний о брате» (архив И. Г. Слепухиной). Ср.: *Слепухина И. Г. Воспоминания о брате. С. 21–23*

⁶ Романы: «Перекресток», Тьма в полдень», «Сладостно и почетно», «Ничего кроме надежды».

литературе о Великой Отечественной войне эта тема была глубоко вторичной, раскрывалась, главным образом, в аспекте неприятия населением этой акции, сопротивления ей. Судьбы оstarбайтеров просматривались до момента их вывоза, реже приводились отдельные скупые сведения о тяжести подневольной жизни на Западе. Такие персонажи в советской литературе чаще всего — эпизодические. <...> В тетралогии Слепухина судьба оstarбайтеров оказывается в центре внимания автора, а само это явление прочнейшими нитями связано со всеми без исключения аспектами войны, более того, входит в состав причин, повлиявших на ее исход⁷.

В начале марта 1945 г. Кочетковы в числе других освобожденных войсками союзников оstarбайтеров были вывезены англичанами в Голландию, в пересыльный лагерь для «перемещенных лиц». «Там, кстати, было много поляков, и каких-то других славян, каких именно, уже не помню, — вспоминала И. Г. Слепухина. — Важно другое, большинство из них, особенно среди нашего брата советских граждан, не желало возвращаться на родину, ибо хорошо представляло, чем это грозит. И вот посоветовавшись наши люди выбрали своих представителей и отправились к коменданту лагеря. Среди них был и мой брат, как переводчик, он был очень способен к языкам и всегда умел объясниться, даже при небольшом знании нового языка. Коменданту была передана коллективная петиция — опираясь на международное право, не выдавать против воли советских граждан, учитывая не прекращающиеся в СССР политические репрессии. Комендант выслушал, принял петицию, и дал слово британского офицера, что против воли никто репатрирован не будет⁸.

На самом деле, когда всех перевезли в Бельгию, русских передали в лагерь для «перемещенных лиц», располагавшийся в школе, занятой советскими оккупационными войсками, для отправки в СССР. Учитывая факты нахождения в оккупации и наличия репрессированных родственников, Кочетковым грозила реальная опасность опять оказаться в лагере, но уже советском. Вот еще одно свидетельство Ирины Григорьевны: «В общем, с помощью англичан ловушка захлопнулась, и мы бы пропали, как и многие тысячи наших граждан, попавшихся в лапы СМЕРШа, но

⁷ Подробнее см.: *Бабичева М. Е.* Война и мир XX столетия // Библиополе. 2010. № 7. С.35–39. № 8 С. 30–33.

⁸ *Слепухина И. Г.* Воспоминания о брате. С. 37–38.

нам повезло, в Брюсселе было много белых эмигрантов, они-то нас и спасли, устроив побег. <...> Нас прятала у себя пожилая пара, Константин и Мария Вишневы, он бывший царский офицер, она бывшая смолянка. Очень милые, гостеприимные люди, и очень бедные. Но нам всем хватало, потому что каждый день кто-нибудь приходил и приносил что мог: еду, одежду, лекарство (если было нужно), ведь вся русская колония знала обо всех беглецах и помогала, чем могла. Они же договорились с бельгийской полицией, те выдали нам фальшивые документы, с другими фамилиями (мы, Кочетковы, взяли фамилию нашей бабушки со стороны отца — Слепухины), и таким образом защитили от выдачи»⁹.

Если даже бегло ознакомиться с творчеством Ю. Г. Слепухина, становится очевидным, что решение о невозвращении далось ему непросто. Став профессиональным писателем, практически в каждом своем произведении он будет обращаться к вопросу об обоснованности и оправданности такого выбора, анализировать мотивы и обстоятельства, вынуждающие его героев жить вдали от Родины. Герои разные и по национальности, и по роду занятий, и по происхождению, живут в разных исторических эпохах и в разных странах, но, как правило, каждый рассматривает эмиграцию как временное убежище, как опыт, который можно будет использовать на своей земле. Во многом это еще и опыт, и школа свободы.

Для Слепухина такой школой стало общение с русскими эмигрантами Первой волны, а затем и активная общественно-политическая деятельность в рядах НТС, членом которого он стал в 1945 году, очарованный идеей солидаризма, и уже в 1947 году, переехав в Аргентину, стал руководить молодежным сектором и сектором пропаганды, активно сотрудничая в журнале «Вехи», еженедельной газете «Посев», выходившей тогда в Буэнос-Айресе, был представителем журнала «Посев». Друг его юности, ныне видный деятель Русского Зарубежья И. Н. Андрушкевич вспоминает: «Юрий Слепухин был назначен руководителем молодежи НТС в Аргентине. Каждую субботу, в течение нескольких лет, начиная с 1948 года, на квартире его семьи в буэнос-айресском пригороде Банфильд собиралось от 8 до 15 человек русской эмигрантской молодежи (от 17 до 30 лет). После международного обзора (10–20 минут), кто-нибудь читал 40-минутный доклад на какую-нибудь историческую, политическую или

⁹ Там же. С. 40.

обще-гуманитарную тему. Затем начинался обмен мнениями, а потом просто разговоры за чашкой чая (без водки). Всегда председательствовал Юрий. Он был введён центром НТС в Германии в состав “Руководящего круга” этой организации. <...> Юрий Григорьевич Слепухин был весьма культурным, темпераментным русским патриотом. Немного увлекающимся романтиком, мечтателем»¹⁰.

В аргентинском обществе и среди эмигрантов Слепухина любили и уважали, неплохим был и материальный достаток. Характеризует его и следующая фраза И. Н. Андрушкевича: «... я вспомнил, как он хорошо говорил на иностранных языках, благодаря чему старые эмигранты его очень часто принимали тоже за старого эмигранта»¹¹.

Действительно, Юрий Григорьевич блестяще владел английским, испанским и французским языками, свободно читал на латыни, немецком, итальянском, польском, украинском языках. Был энциклопедически образован, так как всю жизнь занимался самообразованием, всесторонне одарен, обладал не только гуманитарными, но и техническими знаниями и талантами, что давало ему возможность очень хорошо зарабатывать, выполняя обязанности на уровне высококвалифицированных специалистов в области механики, электрики, инженерии. В семейном архиве сохранились и его удивительные работы цветной тушью на черном ватмане — эскизы ювелирных изделий.

У Слепухина была возможность получить образование в престижном университете в Аргентине и продолжить свою общественно-политическую деятельность, однако обстоятельства сложились иначе: «Я с НТС порвал в 1954 году, еще до того, как собрался вернуться сюда. Просто потому что я понял, что вот эта идея национальной революции, которую НТС проповедовал в свое время против Сталина, что она после смерти Сталина смысл потеряла, абсолютно стала бесперспективна. В общем, будь я не таким молодым политиком и таким мальчишкой, каким я был тогда, я бы раньше понял, что идея национальной революции в России неосуществима, при Сталине тем более. Но тогда у меня была мысль, что народ все-таки рано или поздно воспрянет и прочее, а когда Сталин умер, я понял, что нет...

¹⁰ Андрушкевич И. Н. Юрий Григорьевич Слепухин в Аргентине // В кн.: Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество... С. 91.

¹¹ Электронное письмо И. Н. Андрушкевича Н. А. Слепухиной от 9 мая 2013 г.

а НТС продолжал: «национальная революция, езжайте туда, создавайте там молекулярные ячейки» и прочее. Я сказал, что это глупость, и я с ними разругался в 1954 году, после чего ко мне нашли путь представители нашего консульства и завели со мной контакт. А после XX съезда я просто пришел и говорю: “Это правда или не правда?” Они говорят: “Правда”. Я взял и подал документы на возвращение. Вот так вот дело было»¹².

Кроме разочарования в реальности воздействия на ситуацию в СССР силами эмигрантских организаций, Ю. Г. Слепухин остро ощущает: «... жить на чужбине тяжело. Даже тогда тяжело, когда есть работа, хороший заработок и вообще все вроде бы вполне благополучно.

Ошибкой было бы думать, что иностранцам незнакома ностальгия. Но если для англичанина или француза она — всего лишь элегические воспоминания о родных краях, меланхоличная грусть, которую так легко утолить, послушав старую пластинку или полистав альбом с открытками, — то в душе нашего экспатрианта она становится медленно действующим ядом. Человек, отравленный такой ностальгией, постепенно перестает чувствовать вкус жизни, видеть ее краски, ощущать ее запахи. Да, он живет, продолжает жить — работает, растит детей, добывается материального благополучия. Но даже успех в этом смысле не может снять гнетущего ощущения “жизни наполовину”»¹³.

В случае с Ю. Г. Слепухиным, ностальгия явилась и тем фактором, который побудил к литературной деятельности, и именно на Родине. «Мои первые литературные попытки относятся к концу сороковых годов, когда я, переехав из Брюсселя в Буэнос-Айрес, начал работать над романом “Перекресток”. Романом, впрочем, это стало потом; вначале я совершенно не представлял себе — что, собственно, намерен написать. Знал лишь, о чем: это должен был быть рассказ о моих школьных друзьях, о неповторимой обстановке последнего предвоенного года, о небольшом городе на юге России, где я тогда жил. Словом, весь замысел — совершенно еще неясный мне самому — был, как нетрудно догадаться, продиктован ностальгией.<...>

Так прошло около шести лет. Роман был уже полностью обдуман и наполовину написан, и однажды передо мной встал вопрос: а что я буду

¹² Из интервью Ю. Г. Слепухина журналисту Ленинградской областной телекомпании (ЛОТ) Н. М. Визирякину, март 1998 г. (архив Ю. Г. Слепухина).

¹³ Слепухин Ю. Г. Писатель и Отечество // Юрий Слепухин: XX век. С. 384.

писать потом? Творчество уже отравило меня, я понял, что отныне литература будет главным делом моей жизни; но о чем писать?

Моих юношеских воспоминаний попросту не хватило бы на еще одну книгу, да и это уже было бы повторением. О послевоенной жизни в нашей стране я имел тогда смутные представления, писать об эмиграции мне и в голову не могло придти. <...> Так, мало-по малу, созрело решение попробовать свои силы на аргентинском материале — и, естественно, для аргентинского читателя. <...> В 1955 году я начал писать (по-испански) роман <«У черты заката»>, увидевший свет уже дома, на русском языке, после моего возвращения двумя годами позже.

Разумеется, не работа над испанским текстом повлияла на мое решение репатрироваться; были куда более серьезные причины. Но и она, вероятно, сказала — может быть, подсознательно. Дело в том, что это было началом моей денационализации как писателя.

Я имею в виду, конечно, не выбор сюжета, а выбор языка. <...> Если я хотел остаться — точнее, стать — русским писателем, надо было срочно принимать решение.»¹⁴

Подав в 1956 г. документы о репатриации в советское посольство в Буэнос-Айресе, Ю. Г. Слепухин в 1957 году получает разрешение на возвращение в СССР. Вместе с ним выезжают мать и сестра, отец приезжает двумя годами позже — опасаясь за судьбу семьи в СССР, Григорий Пантелеймонович остается, чтобы в случае применения репрессий поднять шум в зарубежной прессе. К счастью, этого не случилось, несмотря на то что от сотрудничества с «органами» Юрий Григорьевич отказался, отклонив предложение остаться за границей и сообщать о настроениях в эмигрантской среде, за что предлагали самые роскошные условия — виллы в Швейцарии, на Лазурном берегу — где только захочется и, соответственно, большие деньги...¹⁵

Сделав единственный для себя приемлемый выбор — вернуться на Родину и стать профессиональным русским литератором, Ю. Г. Слепухин окончательно отказывается от политической деятельности и, обсуждая с представителями советского посольства условия своего возвращения, счел нужным уточнить: «Я никогда не смогу симпатизи-

¹⁴ Там же. С. 393–394.

¹⁵ См.: *Слепухина И. Г. Воспоминания о брате.* С. 81.

ровать коммунистической идеологии, но если я решу вернуться, то и верить не буду»¹⁶.

После обязательной для репатриантов «фильтрации» в Ленинграде он получает разрешение на жительство в Воронеже (центры — Москва и Ленинград — для него, отказавшегося от сотрудничества, были закрыты); в 1958 году переезжает в г. Ломоносов Ленинградской обл., в 1964 году — в г. Всеволожск Ленинградской области, где живет до конца своих дней.

На волне «хрущевской оттепели» его произведения, открывающие южноамериканский континент («У черты заката», «Ступи за ограду», «Джоанна Аларика»), и правдиво рассказывающие о предвоенной жизни и войне («Перекресток», «Тьма в полдень») охотно публикуют журналы и центральные издательства; в библиотеках очереди на его книги, он получает сотни восторженных писем от читателей, становится популярным и любимым для многих писателем. Но критика глухо молчит о нем. М. С. Глинка вспоминает: «... на иное у нас нечего было и рассчитывать. Государево око на всех, побывавших в плену или в оккупации, и десятки лет спустя смотрело взглядом особенным и тяжелым. Писательская профессия при этом не облегчала, а усугубляла мрачную подозрительность государственной рептилии. <...> Надо ли говорить, что на вернувшегося после многолетнего пребывания за границей (в качестве “перемещенного лица”) бодрого и деятельного Юрия Слепухина выпала не тающим в течение всей его последующей жизни снегом подозрительность приглядывающих органов?»¹⁷

Вполне можно предположить, что было и негласное указание не пропагандировать его творчество, а в литературных кругах относились к нему с недоверием, как к чужаку, не понимая мотивов его возвращения: «Еще в Воронеже один молодой писатель <...> мне сказал: “<...> Слепухин, я не понял, ты дурак, или стукач? Вот под каким соусом тебя из Аргентины?” — Потому что, видимо, третий вариант он себе не представлял. <...> Ну, я сказал, что насчет стукача я тебе гарантирую, что я не стукач, ну а насчет дурака — со стороны виднее... И меня, видимо, многие воспринимали так...»¹⁸ Многих настораживало и то, что Юрий Григорьевич принципиально не уча-

¹⁶ Слепухина И. Г. Там же. С. 72.

¹⁷ Глинка М. С. Несколько слов о незавершенном романе Юрия Слепухина // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество... С. 103.

¹⁸ Из интервью Ю. Г. Слепухина журналисту Ленинградской областной телекомпании (ЛОТ) Н. М. Визирякину, март 1998 г. (архив Ю. Г. Слепухина).

ствовал ни в каких движениях — ни в верноподданнических, ни в диссидентских (только в годы перестройки он возвращается к активной публицистической деятельности на стороне реформаторов), в основном же, сделав свой выбор, он торопился в книгах рассказать правду о событиях, участником и очевидцем которых он был, тем более что читатели ее ждали.

Но наступил 1968 год, события в Чехословакии, и вновь стали «закручивать гайки». Рукопись романа «Час мужества», отправленная в Лениздат стала настоящей ареной идеологической борьбы: Слепухина обвиняли в абстрактном гуманизме, искажении истории, создании образов антигероев: «<...> Ведь дело не только в том, что героини Вашего романа — русские девушки, угнанные в Германию, влюбляются в офицеров гитлеровской армии, получают поддержку от тех классов, которые породили гитлеризм, а также русской эмиграции (курсив мой — Н. С.). Главный порок романа в том, что под все это подведена философия всепрощенчества, абстрактного гуманизма, наконец, космополитизма. Герои романа живут по заданной Вами схеме, а не по законам логики развития характеров, в том числе законам идеологической борьбы <...>»¹⁹; «<...> Мы не можем согласиться и с философской концепцией автора, концепцией абстрактного общечеловеческого гуманизма, с позиций которого написана 3-я часть романа. Исходя из этой философской концепции автор искажает правду психологических мотивировок действий и рассуждений героев романа. Психология советского человека, силы, двигавшие его поступками в годы войны, искажены в рукописи <...>»²⁰. К редакционному заключению прилагалась рецензия Всеволода Воеводина, который, анализируя образ главной героини романа, Татьяны Николаевой, встретившей и полюбившей Кирилла Болховитинова — сына «белого эмигранта», пишет: «<...> Если Таня просто “рядовая”, самая обыкновенная советская девушка, не нравственный урод, не отщепенка, она просто не могла бы полюбить чужака, пособника врага <...> и еще довериться ему. За такую любовь расстреливали, не доискиваясь особых психологических глубин. (И правильно делали) (разрядка моя — Н. С.) <...> Гуманизм без берегов

¹⁹ Письмо Лениздата № 4/471 от 1 авг. 1969 г., подписанное директором Л. В. Поповым и гл. редактором Д. Т. Хренковым (архив Ю. Г. Слепухина).

²⁰ Редакционное заключение Лениздата от 7 июня 1969 г., подписанное зав. редакцией Копытиным и ст. редактором Л. Плотниковой (архив Ю. Г. Слепухина).

— это не позиция, с которой можно воссоздать образы советских людей в годы войны и оставаться при этом верным исторической правде»²¹.

Стоит ли удивляться, что после таких заключений и рецензий доступ к читателю был Слепухину закрыт на десятилетие! Через пять лет, вновь предложив значительно доработанную рукопись романа «Час мужества» Лениздату, Слепухин получает письмо о том, что роман «не может быть принят к изданию»²², к которому прилагается разгромная рецензия на 2,5 авт. л. (!) из Росглавиздата, подписанная А. А. Богдановым, где говорится: «Это не героиня (Татьяна Николаева. — Н. С.), а скорее антигероиня. Ее подлинная суть <...> — это суть маленькой обывательницы с предельно узеньким, мещанским кругозором и чувствами, начисто лишенной подлинной гражданственности и патриотизма. Ничтожная, беспомощная песчинка, случайно захваченная могучим ураганом событий <...>» И далее рецензент, возмущаясь текстом автора о том, что «для плохо одетого, проработавшего весь день под открытым небом, замерзшего и промокшего до нитки естественна мысль о тепле и крыше над головой», пишет: «Но отсюда, от этой мысли, начинается развиваться мотив, который заставляет вспомнить совсем иного героя, звавшегося Иваном Денисовичем...». Не вдаваясь в аргументацию дальнейших рассуждений рецензента приведу еще несколько фраз, «обличающих» Слепухина: «Какова идея? Вполне сгодилась бы сегодняшним пропагандистам свободного обмена “духовными ценностями”, радателям “наведения мостов”!..», «Необратимые изменения, перекосы в идейной структуре образов, в самом выборе героев, в авторской позиции делают невозможным разговор о какой-либо доработке рукописи»²³...

Воистину, название романа стало определяющим и для писателя — лишенный возможности печататься, а, следовательно, и иметь средства к существованию, он не отказывается от своей позиции, а дорабатывает свою трилогию о войне, превращая ее в тетралогию: разделив «Час мужества» на две книги, «Сладостно и почетно» и «Ничего кроме надежды», что дало возможность еще более подробно написать правду о судьбах фронтовиков, о жизни наших

²¹ Воеводин Всев. О романе Юрия Слепухина «Час мужества». 14 июля 1969 г. (архив Ю. Г. Слепухина).

²² Письмо Лениздата № 4/183 от 16 апр. 1974 г., подписанное директором Л. В. Поповым. (архив Ю. Г. Слепухина).

²³ Богданов А. А. Рецензия на рукопись романа Ю. Слепухина «Час мужества». Апр. 1974 г. (архив Ю. Г. Слепухина).

соотечественников, угнанных в Германию, о русской эмиграции, об антифашистском сопротивлении внутри Германии, о союзниках, о цене Победы²⁴. Параллельно Юрий Григорьевич пишет повесть «Пантократор», работает над романами «Южный крест», «Киммерийское лето» и тяжело переживает отлучение от читателя. В 1978 г. вход в Смольный был еще свободным, и я, не ставя в известность Юрия Григорьевича (он бы мне запретил), решаюсь на визит в Ленинградский обком КПСС, к заведующей идеологическим отделом Г. И. Бариновой. Не знаю, какие мои аргументы оказались действенными, но в том же году «Советский писатель» принял к изданию «Киммерийское лето».

Всего Ю. Г. Слепухин успел написать 3 повести, 10 романов²⁵. Жаль, что последний — «Не подводя итогов», остался незавершен. В нем главный герой — Николай Болотов — переживает все испытания, которые выпали на долю русского человека в XX веке. Роман написан лишь на четверть, свое главное произведение он дописать не успел.

Правильным ли был выбор, сделанный Юрием Григорьевичем? Ответ — в его книгах и отзывах читателей²⁶:

«— Купил у букиниста “Перекресток” Слепухина. Первое издание, Ленинград, 1965 — и заново перечитал весь цикл, от “Перекрестка” до “Киммерийского лета”. В очередной раз поразился, как откровенно он пишет, и как — как, черт возьми?! — эту откровенность пропускала советская цензура, как вообще в те довольно нелегкие годы удалось напечатать такую антифашистскую прозу. Всё-таки, из позднесоветских писателей он, на мой взгляд, один из лучших. Возможно, за счет большего жизненного опыта и полутора десятков лет несоветского бытия.

Про него говорили всякие странные вещи, сравнивая с Григулевичем (если вы понимаете, что я имею в виду), но мне во всё это как-то весьма

²⁴ Роман «Сладостно и почетно» лишь в 1985 г. выпустит «Советский писатель», роман «Ничего кроме надежды» выйдет в свет уже после смерти Ю. Г. Слепухина, в 2000 г., благодаря поддержке В. П. Набирухина — директора Ленинградского отделения издательства «Детская литература», А. Н. Стефанова — генерального директора Лениздата, С. Я. Савельева — директора ООО «Лисов-АВС» и В. П. Елисеева — депутата Законодательного собрания Ленинградской области.

²⁵ Подробнее см.: Произведения Юрия Слепухина // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.yslepukhin.ru/content/person/publ/index.php> Дата обращения 21.10.2015.

²⁶ Подробнее см.: Отзывы читателей [Ю. Г. Слепухина] // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.yslepukhin.ru/content/person/otziv/index.php> Дата обращения 21.10.2015.

мало верится. Видевшие его лично о своем впечатлении говорят так: князь Мышкин. По текстам, в общем, то же ощущение;

— Никогда не думала, что мне может понравиться книга советского писателя. Но произведение “Сладостно и почетно” Слепухина стало большим исключением — перечитывала эту книгу раза 3, и всегда она меня задевала, всегда бросались в глаза все новые и новые детали. Очень приятно, что нет в ней никакой советской пропаганды. <...> иногда читать ее было тяжело, особенно конец. Наверно, в этом и заключается большой талант писателя. Вроде вражеский город бомбят, война завершается, но ничуть не легче. Возможно, потому что у Слепухина невозможно делить на «своих» и «чужих», есть только люди...;

— “Южный Крест” — это роман о большой и страшной любви. Любви к женщине и любви к родине — большой и малой. Читайте. И мужчины, и женщины, читайте. Вы лучше поймете себя, друг друга. Вы станете лучше понимать своих детей. Я читаю и перечитываю романы Слепухина 25 лет. Это автор на все времена. И для всех поколений. Читайте.»

Аннотация: В статье рассматриваются основные этапы биографии Ю. Г. Слепухина, в том числе жизнь в оккупации, угон в Германию, его послевоенная политическая деятельность за рубежом в рядах НТС, мотивы и условия возвращения в СССР, взаимоотношения с издательствами в условиях цензуры, восприятие его произведений читателями.

Summary: The main phases of Iu. G. Slepukhin's biography are scrutinized in the article. Slepukhin's life under the Nazi occupation followed by forced sending away to Germany, his postwar political activities as a member of the National Labour Union, motives and conditions of his repatriation to the USSR, Slepukhin's interrelations with Soviet publishing houses under conditions of censorship and his readers' perception of his writings are among them.

Ключевые слова: Ю. Г. Слепухин, оккупация, трудовые лагеря, оstarбайтеры, перемещенные лица, НТС, русская эмиграция, репатриация, литературная деятельность в СССР.

Keywords: Iu. G. Slepukhin, the Nazi occupation, labour camps, Ostarbeiters (Eastern workers), DP, the National Labour Union (NLU), Russian emigration, repatriation, literary activities in the USSR.